

Богдан Косанович

Образ униженного и оскорбленного еврея в "Конармии" И. Бабеля

Studia Rossica Posnaniensia 28, 15-19

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОБРАЗ УНИЖЕННОГО И ОСКОРБЛЕННОГО ЕВРЕЯ В *КОНАРМИИ* И. БАБЕЛЯ

THE CHARACTER OF THE INSULTED AND INJURED JEWS IN I. BABEL'S *CAVALRY*

БОГДАН КОСАНОВИЧ

ABSTRACT. In order to analyze it, the author of this article presented the characters of "small", insulted and injured Jews in I. Babel's collection of short stories *Cavalry*. The key for the approach to Babel's work is found in the fact that it originated in the tradition of several cultures and civilizations.

Bogdan Kosanović, Univerzitet u Novom Sadu, Filozofski fakultet, Odsek za slavistiku, Stevana Musića 24, 21 000 Novi Sad, Jugoslavija.

Светлой памяти И.А. Смирин

Автобиография Исаака Эммануиловича Бабеля начинается словами: „Родился в 1894 году в Одессе, на Молдаванке, сын торговца-еврея. По настоянию отца изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд”¹.

Далее мы узнаем, что в Одесском коммерческом училище он одновременно хорошо изучал и французский язык, на котором читал классиков и даже пытался писать свои первые рассказы. Дневниковые записи так же, как и сам текст *Конармии*, свидетельствуют о том, что Бабель очень интересовался и польской культурой. Итак, творчество писателя *Конармии* вырастает на границе нескольких культур и цивилизаций. Данные факты могут послужить своеобразным ключом к пониманию и разбору его мировоззренческих и эстетических установок. В свою очередь, вышесказанное не могло не отразиться на авторской концепции создания художественных персонажей. В своем небольшом по объему творчестве, в так называемой малой художественной форме Бабелю удалось создать уникальную галерею персонажей-евреев. Уже в новелле *Переход через Збруч*, открывающей сборник *Конармия*, еврейская тематика воплощена в гротескных и трагических очертаниях. Лютов, повествователь, пред-

¹ И. Б а б е л ь, *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва 1991, с. 31.

ставляющий собой, как известно, alter ego самого автора, приказывает убрать грязную ночлежку:

Два еврея снимаются с места. Они прыгают на войлочных подошвах и убирают по-обезьяньи, как японцы в цирке, их шеи пухнут и вертятся².

Эта новелла оканчивается натуралистически жуткой картиной зарезанного старика-еврея и осуждающими словами его супруги:

Пане, [...] поляки резали его, и он молился им: убейте меня на черном дворе, чтобы моя дочь не видела, как я умру. Но они сделали так, как им было нужно, – он кончался в этой комнате и думал обо мне...

Как известно, основной темой бабелевской *Конармии* является столкновение конармии Буденного с Пилсудским. Ведутся ожесточенные бои. Как и всегда на войне – господствуют непримиримость, зло, враждебность, озверение. Евреи, рассеянные по территории, где идет война, как бы ждали решения своего „вопроса”. „Узкоплечие евреи грустно торчат на перекрестках”, – пишет автор в *Учении о тачанке*. Это сжатое предложение насыщено богатым смыслом. Символически – евреи находятся на *перекрестке истории*. Однако оказывается, что по „трагической вине” своего рождения и бытия они по-прежнему являются жертвами вульгарного антисемитизма и со стороны русских, и со стороны поляков; подвергаются насилию, ограблению, даже физическому уничтожению. В новелле *Учение о тачанке* упоминаются еврейские девушки, которых насиловали „польские жолнеры”. На страницах *Конармии* и поляки, и казаки „жидов режут” или расстреливают. Суровость отношений к еврейскому населению программно прозвучала из уст русского мужика, которого писатель нарочно не называет, тем самым указывая на распространенность, типичность высказанного мнения:

Жид всякому виноват, и нашему и вашему. Их после войны самое малое количество останется (*Замостье*).

Такое положение можно отнести к расовым предрасудкам, ксенофобии христиан, в равной мере русских-православных и поляков-католиков. На страницах новеллы *Берестечко* автор-хроникер раскрывает псевдосоциологическую характеристику еврейского этноса, ту, которая моделирует юдофобию русского и польского шовинизма:

Быт выветрился в Берестечке, а он был прочен здесь. Отростки, которым перевалило за три столетия, все еще зеленели на Воляни теплой гнилью старины. Евреи связывали здесь нитями наживы русского мужика с польским паном, чешского коло-

² Здесь и далее все цитаты по изданию: И. Б а б е л ь, *Сочинения в двух томах*, т. 2, Москва 1992.

ниста с лодзинской фабрикой. Это были контрабандисты, лучшие на границе, и почти всегда воители за веру. Хасидизм держал в удушливом плену это суетливое население из корчмарей, разносчиков и маклеров.

Итак, миф о еврее как о ненадежном, морально испорченном человеке, негодяе складывался веками в его русско-польско-украинском окружении. Отрицательный стереотип еврея-жида сказался и в революции. В ретардационном отступлении новеллы *Письмо безграмотный мальчик Курдюков* не обошелся без колкостей насчет евреев: „Мы увидели [в городе Майкопе], что тыл никак не сочувствует фронту и в ем повсюду измена и полно жидов, как при старом режиме”. А в новелле *Соль* „вредная гражданка” контрабандистка осмелилась защищаться следующими словами: „Я соли своей решила, я правды не боюсь. Вы за Расею не думаете, вы жидов спасаете...”³.

Отношение новой власти к евреям – это своеобразная проверка революционной этики. Революция провозгласила лозунги свободы, братства и равенства. Но в суровом быту гражданской войны эти идеалы неосуществимы на практике. Лучше всего это показано в двух сценах из *Берестечка*. В первой освободители, но как оказывается и грабители (!), казаки расстреливают еврея-старика „за шпионаж”. К нему подходит пулеметчик Кудря, и режет его, „не забрызгавшись”. Однако в финальной сцене комендант дивизии Виноградов собирает митинг, чтобы произнести свою речь о Втором конгрессе Коминтерна:

Он страстно убеждает озадаченных мешан и обворованных евреев:

– Вы – власть. Все, что здесь, – ваше. Нет панов. Приступаю к выборам Ревкома.

Естественно, читатель приходит к единственному выводу, что антисемитизм здесь завуалирован демагогической риторикой.

Автор *Конармии* исследует множественность взглядов на революцию⁴. В этом смысле его книга полифонична.

Утопия и антиутопия – традиционный дискурс русской литературы, который становится особо актуальным в ее советский период. Два этих полюса исследует и Бабель. Он создает обаятельный образ „маленького еврея” старьевщика, чьей оптимальной проекцией будущего является несбыточный четвертый интернационал как соборность добрых людей. Интересным представляется его диалог с Лютовым – диалог двух евреев как носителей двух различных представлений о революции. Гедали – это житомирский талмудист, стихийный мудрец. Но его философия непритязательна и скрыта за видимой наивностью речи.

³ В первых изданиях сборника *Конармия* вместо троеточия следовала запятая и текст: „Ленина и Троцкого”.

⁴ О плюрализме взглядов бабелевских героев см. в обстоятельной монографии: M. J o v n o v i ć, *Umetnost Isaka Babelja*, Beograd 1975.

„Да”, кричу я революции, „да” кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед только стрельбу...

И дальше:

Поляк закрыл мне глаза, – шепчет старик чуть слышно. – Поляк – злая собака. Он берет еврея и вырывает ему бороду, – ах, пес! И вот его бьют, злую собаку. Это замечательно, это революция! И потом тот, который бил поляка, говорит мне: „Отдай на учет твой граммофон, Гедали...” – „Я люблю музыку, пани”, – отвечаю я революции. „Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду, тогда ты узнаешь, и я не могу не стрелять, потому, что я революция...”.

Здесь по сути дела излагается идея гуманизации революции, требования от нее учета индивидуальности, почтения национальных традиций („но разве в субботу мы скажем «нет»?”). Революция, считает Гедали, – также должна считаться с личной собственностью и проводиться без грабежа и насилия.

Ответ одессита Лютова, еврейского конармейца, – прямолинеен:

„Его [интернационал] кушают с порохом и приправляют лучшей кровью”, – скажет он и немножко позже назовет старика смешным!

Итак, сама действительность противопоставила идее высокой нравственности так называемую историческую необходимость, даже историческое отмщение. (Вышецитированное высказывание Лютова на самом деле является парафразой ленинского лозунга: „Революцию в перчатках не делают”).

По-другому отражается идея правдоискательства у Ильи Брацлавского, земляка Гедали и тоже талмудиста, даже сына раббы, архетипа „блудного сына”, – как писал Чеслав Андрушко⁵. Брацлавский выбрал путь революционного аскетизма и жертвенности. И он, как и Лютов, „пострадал по ученой части” и, будучи „внешним элементом”, не совсем принят бойцами-казаками в их среду. Отсюда Лютов не случайно называет его своим „братом”. Пользуясь авангардистским методом коллажа, Бабель показал здесь не столько взаимопроникновение, сколько противопоставление и даже конфликт двух культур и цивилизаций. Брацлавский, умирающий со словами: „Мать в революции – эпизод”, оставил за собой наследство несочетаемых друг с другом вещей: портреты Ленина и Маймонида, женские волосы и партийные резолюции, древнееврейские стихи и револьверные патроны (*Сын раббы*).

Творчество Бабеля раскрывается как творчество писателя европейского происхождения, сформировавшегося и выросшего в русской литературе, писавшего на русском языке. Его еврейские персонажи – это *русские жида*. Как правило, они являются заложниками сложившихся историко-социальных обстоятельств, творящих некую фаталистическую, свер-

⁵ См.: Cz. A n d r u s z k o, *Жизнеописание Бабеля Исаака Эммануиловича*, Poznań 1993, с. 37.

ху данную необходимость, на которую сами влиять не могут. Они могут лишь мечтать о свободе. Речь идет о так называемых обыкновенных людях, чей характер никак не назовешь сильным. С ними сурово обходятся все – и русские и поляки, и революция и контрреволюция. Они дискриминированны, их обижают, унижают, топчут, даже физически уничтожают. Ненадежность их существования усиливается в период революционного переворота и катаклизмов гражданской войны. Образы Гедали и Моталэ Брацлавского, так же как и собирательный образ евреев, „грустно торчавших на перекрестке”, свидетельствуют о том, что они свое страдание принимают не бунтуясь, а с тихой грустью и меланхолией. В авторской концепции человеческой личности этот своеобразный стоицизм передается генетически, как характерологическая черта еврейского генотипа. Еврейское восприятие страдания отличается от христианского культа этого феномена, проповедующего дорогу к катарсису исключительно через терпение и страдание. *Конармия* является книгой, изображающей предельные мучения и истязания не только евреев, но и других участников войны. Бабелевским героям не присуще восприятие пограничной ситуации страха, как надрыва, что очень характерно для современной философии экзистенциализма.

В новелле *Кладбище в Козине* Бабель дает предельно сжатую летопись русских евреев. Писательский прием здесь очень интересен. Изображая хронотоп маленького кладбища в еврейском местечке, автор постепенно расширяет угол зрения и буквально в нескольких предложениях дает хронику многовековой истории изгнанного народа, переселившегося из Ассирии и уже триста лет осевшего на Волыни. Последнее восклицание подчеркивает авторскую мысль о приобщении русских евреев к *совокупной космической жизни*:

О смерть, о корыстолюбец, о жадный вор, отчего ты не пожалел нас хотя бы однажды.